

Впервые за два с лишним месяца я спал глубоко и безмятежно.

Впрочем, нечему удивляться: мой бедный разум был доведён до крайнего предела. Предыдущие недели тянулись в беспрестанной тревоге: приходилось изматывать себя, сиюсь перехитрить главу Палаты государственного этикета, а в императорском дворце — из последних сил держать лицо перед отцом-императором. Душевные и телесные силы истощились до капли.

Стоило натянутой струне ослабнуть, как хвороба мгновенно свалила меня с ног.

Я горел в бреду. Сквозь пелену бессознательности чудилось, будто в комнате кто-то непрерывно входит и выходит, однако рядом неизменно пребывало одно до боли знакомое дыхание. Душа моя, выскользнув из брэнной оболочки, обратилась легоньким ветерком и ласково окутала его.

Он приподнял меня, чтобы поить снадобьем. Не размыкая глаз и толком ничего не осозная, я лишь пробормотал по привычке:

— У тебя же была ранена рука... Не напрягайся.

— Дурачок, — тихо прошептал он.

Прохладная ладонь коснулась моего лба. Я сладостно прижался к его пальцам и снова погрузился в забытье.

Во сне я следовал за силуэтом в белоснежных одеждах. Он будто нарочно поджидал меня: стоит мне отстать — замирает. Вдруг, словно торопясь, он обернулся и бросил:

— Поторапливайся.

Разглядев его лицо, я обомлел, и дыхание перехватило.

Когда он облачался в алое, то походил на юного небожителя, улучившего момент, пока небесная стража задремала, и умыкнувшего из горних обителей частичку людского буйства и суеты. В белом же представал далеким лунным светом, недостижимым для мирской грязи, чьи рукава не запятнаны ни единой пылинкой.

Но как бы я ни старался, догнать его не удавалось. Стоило приблизиться, как его образ ускользал на несколько шагов вперёд.

От отчаяния я чуть не расплакался:

— Небожитель, почему же ты меня не ждёшь?

— Открой глаза и посмотри, — отозвался он. — Тогда и узнаешь, жду я тебя или нет.

И я очнулся.

Подле кровати и впрямь сидел сошедший с небес лик в белых одеждах. При мягком свете свечи он неторопливо листал книгу, и черты его казались необычайно мягкими.

— Очнулся? — Он отложил чтиво, наклонился ближе и приложил ладонь к моему лбу. — Жар спал. Как ты себя чувствуешь?

Я глупо уставился на него, еле ворочая языком:

— Не... небожитель... Одежда...

— Ты заказал для меня столько нарядов, что их хватит лет на десять вперёд, — с легкой улыбкой отозвался он.

Пока он лежал без чувств, я целыми днями только и делал, что разглядывал его, представляя, как бы он выглядел в разных убранствах. Сердце моё так распалилось от этих фантазий, что я велел принести образчики тканей со всех знатных столичных лавок. По его меркам сшили невероятное множество платьев, да ещё и в самых разных оттенках.

И сейчас на нём было то самое, моё самое любимое.

Одеяние отличалось строгой простотой: ни броских узоров, ни лишней пышности, лишь по вороту да край рукавов тянулась узкая полоса облачного орнамента, вышитая нитью темного золота. Белоснежный пояс украшали тончайшие кисти той же благородной парчи.

Сдержанное золото едва заметно мерцало на ослепительной белизне — благородно, изысканно и отстраненно.

Я замороженно смотрел на него, даже не заметив, как он поднёс пиалу со снадобьем, и бессознательно осушил её до дна. Его пьянящий, сладкий аромат полностью заглушил горечь лекарства.

— Ты такой сладкий, — ляпнул я.

Он сперва удивился, а затем изогнул бровь в лукавой, с оттенком дерзкого задора усмешке:

— Ваше Высочество ведь ещё не пробовал, откуда же вам знать?

Что он такое несёт?! Как он может... Щёки мои вспыхнули с новой силой, голова закружилась, и я поспешно нырнул под одеяло, свернувшись калачиком. Снаружи остались только глаза, жадно ловившие каждый его жест.

К тому же... я, разумеется, пробовал! Пока он лежал без памяти, разве я не касался его губ каждый день? Они были такими сладкими и мягкими. Вот только с тех пор, как он очнулся, мне больше не выпадало такого счастья.

Я смущенно отвёл взгляд от его губ, накрыл лицо поплотнее и буркнул:

— Я уснул.

А в душе вертелась одна-единственная мысль: когда же мне позволено будет припасть к ним снова?

Спустя несколько дней болезнь окончательно отступила.

За время моего недуга из дворца не раз присылали осведомиться о моём здравии. Едва оправившись, я вознамерился отправляться с докладом к императору.

Чуньли помогала мне облачаться и сокрушалась, что я сильно похудел, но я лишь качал головой. Все эти дни я почти не вставал с постели, а слуги ублажали меня лучшими кушаньями. Цзи Минчэнь, опасаясь, как бы я не голодал, без конца кормил меня сладостями. От такой жизни скорее наберёшь вес, чем сбросишь.

Она кутала меня в один слой одежды за другим, а сверху накинула тяжелейшую подбитую мехом мантию. Под этой тяжестью невозможно было расправить плечи, и я чувствовал себя так, будто меня обмотали толстым перилом.

— Неужели нельзя надеть хоть немного меньше? — воспротивился я.

— Ни в коем случае! — в один голос отрезали Чуньли, Сяфэн и Дунцзы.

Даже Цзи Минчэнь посмотрел на меня с укоризной.

Поняв, что спорить бесполезно, я сдался и сжал ладонь Цзи Минчэня:

— Жди меня.

— Хорошо, — тихо ответил он.

Сяфэн и Дунцзы встали по обе стороны от меня. Сделав лишь пару шагов, я не удержался и оглянулся: Цзи Минчэнь всё так же стоял на месте, провожая меня взглядом. Заложив руки за спину, ослепительно-белый, он мягко улыбнулся.

Я мгновенно потерял остатки разума.

— Ваше Высочество, время не ждёт, пора в путь, — поторопил Сяфэн.

Я с неохотой отвёл взор, но, пройдя ещё десяток шагов, снова обернулся. Он продолжал стоять там.

Ноги мои будто налились свинцом.

Дунцзы тяжело вздохнул и с глубочайшей скорбью посмотрел сперва на меня, а затем на Цзи Минчэня. С таким видом обычно смотрят на ослепленного страстью дурака и его роковую, несущую гибель красу-княгиню.

— Я буду смотреть, пока ты не уйдёшь, — произнес Цзи Минчэнь.

И я, абсолютно пьяный от счастья, поплёлся дальше.

Сегодня выпадал день отдыха, и отец-император, улучив редкую минутку досуга, играл в вейци со старым сановником.

Совершив положенные поклоны, я покорно замер в стороне.

Игровая доска была сплошь усыпана чёрными и белыми камнями. Оба соперника сидели, насупившись и погружившись в глубокие раздумья; судя по всему, партия была в самом разгаре и завершаться не собиралась.

Вспомнив, как прошлый раз в Зале Усердного Правления меня заставили сначала долго стоять, а затем и коленопреклоняться, я поневоле вздрогнул, гадая, сколько часов придётся простоять на этот раз.

К моему изумлению, отец-император нахмурился и бросил на меня взгляд:

— Ты только отболел, зачем стоишь? Иди присядь к жаровне, погрейся.

Я ещё не успел прийти в себя от такой милости, как он повернулся к старику:

— Сегодня нам не суждено определить победителя. Отложим партию до следующего раза, Великий учёный Гао.

Старец поднялся, чтобы откланяться. Проходя мимо, он улыбнулся мне, и только тут я узнал в нём Гао И — того самого почтенного мужа, что сидел подле меня на пиршестве и раз за разом удерживал от необдуманных порывов.

Гао И добродушно усмехнулся, приложил руку к руке в приветствии и удалился.

— Чего ты так уставился на него? — Отец-император незаметно опустился на сиденье напротив меня и как бы между прочим заметил: — На недавнем пиру вы с Гао И, кажется, весьма славно побеседовали.

— Он лишь бубнил что-то себе под нос и странно улыбался, — ответил я.

— Гао И — глава Императорской канцелярии, заслуженный чиновник трёх правлений, чьи ученики и соратники заполняют весь дворец. Тебе не следует проявлять к нему неуважение.

Я смолчал. А ведь я уже почти позабыл о нём, но теперь, когда мне снова напомнили, пришлось мысленно внести Великого учёного в свой памятный список и пересчитать старые долги.

Отец-император продолжал:

— Я вижу, Гао И питает к тебе некоторую благосклонность. Тебе следует проявлять больше участия и чаще сближаться с подобными сановниками.

Памятуя об обещании, данном матушке-императрице, я мог лишь смиренно произнести:

— Слушаюсь, отец-император.

Император пристально всматривался в меня какое-то время, а затем внезапно спросил:

— Хочешь ли ты стать императором?

Правителю не подобало задавать такие вопросы. Но перед ним сидел дурачок, и потому этот вопрос всё же прозвучал.

— Не хочу, — честно ответил я.

— Но твоя матушка желает этого для тебя.

Мне нечего было на это возразить.

Отец-император вдруг тихо усмехнулся и спросил:

— Если не хочешь восходить на престол, чем же ты желаешь заниматься?

Я всерьёз задумался над его словами, но все мои помыслы неизбежно сводились к Цзи Минчэню. Я хотел проводить с ним каждый день, обнимать, когда вздумается, засыпать в одной постели... а главное — дожидаться, пока он уснёт, чтобы тайком прикоснуться к его губам...

Я ведь так давно его не целовал.

Ужасно хочется поцеловать.

Но почему он сам никогда не проявляет инициативы? Неужели он совершенно не хочет этого?..

— Что ты там собрался тайком пробовать?

Я опомнился с ужасом — оказывается, последние мысли я произнёс вслух! Лицо мгновенно вспыхнуло огнем, и я забормотал, заикаясь:

— Пробовать... я...

К счастью, отец-император не стал допытываться, а лишь произнёс:

— То, что я дозволил тебе взять Наследного принца Северного Инь в супруги, ущемило достоинство твоего старшего брата. В ближайшие дни отправляйся в Восточный дворец и принеси искренние извинения.

Сердце моё сжалось от печали.

После той ночи в Палате государственного этикета, когда я при всех проявил неуважение к Наследному принцу Чу Цзюню, он избегал встреч со мной. Очевидно, братец затаил глубокую обиду. Я искренне желал замолить вину, но при мысли о тяжелых цепях и унижениях, которым подвергали Цзи Минчэня, гнев снова закипал во мне. Чувства сплетались в мучительный узел.

Словно прочитав мои мысли, отец-император произнёс:

— Наследный принц молод и горяч, он жаждет выслужиться и стяжать славу. Сбить спесь с заложника — всё равно что прищучить само Северное Инь и возвеличить могущество нашей державы Чу. В его действиях не было ошибки.

Я не стал оспаривать его слова, а лишь обратился с просьбой отпустить меня на несколько месяцев на Гору Духов. Там били горячие источники, благотворно влиявшие на исцеление внутренних ран.

Я готовился долго упрашивать его, но отец-император неожиданно легко кивнул:

— Нынешняя зима выдалась лютой, да и ты только отболел. Поездка на пользу.

Затем он добавил с особенным нажимом:

— Весной, когда вернешься в столицу, тебе исполнится двадцать лет. Ты станешь взросрым мужем. Не посрами надежд своей матушки.

Я понимал, на что он намекает. Но моя голова уже была занята мечтами о тихом уголке у горячих источников, где мы будем только вдвоём, поэтому я поспешно изъявил послушание.

Шагая под ласковыми лучами зимнего солнца, я предавался грёзам о предстоящей поездке.

Сяфэн уже разузнал: поместье у подножия горы в этом году ломилось от изобилия. Домашняя птица, овцы и свинячьи туши нагуляли жир, а добытую на охоте дичь заготовили впрок. Там припасли немало вяленого оленьего мяса — моего любимого лакомства. Уверен, Цзи Минчэнь тоже оценит его по достоинству.

А на склоне горы укрылся уединенный усадебный дом. Каково это — в снежный вечер сидеть у очага, попивать хмельное вино и безмятежно вести неспешные речи? А если атмосфера станет совсем особенной, то, быть может, не придётся ждать, пока он уснёт, чтобы прикоснуться к его мягким губам...

А ещё у подножия располагались обширные охотничьи угодья. Когда яд окончательно покинет его тело и силы вернутся, мы сможем вместе мчаться на конях — умчаться далеко-далеко, туда, где нас не отыщет ни один слуга.

И горячие источники...

Мысли мои внезапно оборвались. Я уставился на человека, шедшего навстречу, и почувствовал, будто между нами пролегла вечность.

Прежде я узнал бы его силуэт издалека, ещё до того, как можно разглядеть черты лица. Ведь тогда мой взор был устремлен лишь на него одного, и его белые одежды казались ослепительнее всего на свете.

Я ещё не успел промолвить ни слова, да и разум мой замер в замешательстве, как Сяфэн и Дунцзы уже загородили меня своими телами, с откровенной враждебностью уставившись на незнакомца.

Сюй Цинцзэ будто бы осунулся. Он смотрел на меня, и в его взоре читалась сложнейшая гамма чувств.

И тут я с изумлением осознал: за все эти месяцы я ни разу не вспомнил о нём. Встретившись с ним вновь, я чувствовал себя так, будто передо мной стоял совершенно чужой человек, знакомый разве что по прошлой жизни.

Раз уж мы столкнулись, делать вид, будто я его не замечаю, было бы ребячеством. Но я знал, как сильно он не желает меня видеть, а потому лишь слегка кивнул, давая понять, что уступаю дорогу.

Однако он вдруг заговорил:

— Если Третий принц ничем не занят, не соблаговолит ли он покинуть дворец вместе со мной?

Я растерялся. Разве он не утверждал, что ненавидит меня? Разве не отверг мои чувства без тени жалости, избегая встреч, точно чумы? Отчего же теперь сам предлагает пройтись?

— Я слышал, Ваше Высочество недомогали в прошлые дни, — продолжал он. — Как ваше самочувствие ныне?

Сяфэн тут же вставил свои пять монет:

— Заботами нашей княгини Его Высочество совершенно поправился!

А Дунцзы громко добавил:

— Княгиня ждёт Его Высочество в поместье, нам никак нельзя задерживаться!

Слова Дунцзы подхлестнули меня: я страстно захотел вернуться в усадьбу и поведать Цзи Минчэню о поездке на Гору Духов. Эта мысль так захватила меня, что я кивнул Сюй Цинцзэ с явным невниманием, намереваясь поскорее пройти мимо.

Но Сюй Цинцзэ снова окликнул меня:

— Ваше Высочество и впрямь вознамерились взять этого пленника из Северного Инь в супруги?

— Да, — отрезал я.

— Наследный принц положил столько сил ради этого дела, вся парадная зала видела его труды! — В голосе Сюй Цинцзэ зазвенело нескрываемое возмущение. — А ваш поступок свёл все его старания на нет и стал жестоким ударом по достоинству Его Высочества на глазах у ставановников. Неужели Ваше Высочество не находите это бесчинством?

Его речи перешли все границы дозволенного. Я нахмурился, не произнося ни слова.

В его взгляде пылал гнев, смешанный с чем-то непонятным:

—... Вы, быть может, полагаете, будто движимы глубокой любовью, спасая этого заложника из бездны. Но людские сердца изменчивы! Что, если через три года или три месяца новизна улетучится, и вы точно так же воспылаете страстью к кому-то другому?.. Разве вы не губите его жизнь?

Я совершенно не понимал причин его ярости.

Но в глаза бросилось иное.

С какой стати он разговаривает со мной в подобном тоне? Прежде он позволял себе лишнее, пользуясь моей привязанностью. Но теперь, когда я охладел к нему, у него нет ни малейшего права вести себя подобным образом.

— Это личное дело данного князя, и Главе Секретариата не следует в него вмешиваться, — холодно произнёс я.

Сюй Цинцзэ обомлел. На его лице отразилось такое потрясение, будто он не допускал и мысли услышать от меня отпор.

Лишь спустя долгое мгновение он выдавленно проговорил:

— Третий принц разрушил замыслы Наследного принца и запятнал его честь — это неоспоримый факт.

— На то была воля Его Величества, — ответил я.

Лицо Сюй Цинцзэ мгновенно утратило всякие краски, став мертвенно-бледным.

Я больше не удостоил его взглядом и увёл слуг прочь.

Лишь отойдя на почтенное расстояние, Сяфэн и Дунцзы облегченно перевели дух и разом разомкнули мои руки.

Я лишь вздохнул:

— Я же говорил вам, что более ничего к нему не чувствую.

— Как знать... — пробурчал Дунцзы. — Прежде Ваше Высочество изволили утверждать, будто белые одежды под стать лишь Сюй Цинцзэ, и только он способен носить их с истинным благородством.

Я застыл на месте. Неужели я и впрямь произносил подобную глупость? В памяти не осталось и следа от тех слов.

— Если я и говорил нечто подобное, то забираю свои слова обратно, — произнёс я со всей серьёзностью.

Перед глазами воспрянул иной образ — ослепительно-белый, высеченный из чистого света.

Я выдержал паузу и тихо проговорил:

— Если не он, кто подобен чистому покрову нетронутого снега, то кто во всей Поднебесной достоин носить белые одежды?

<http://bllate.org/book/20619/2131957>